

БИБЛИОТЕЧНАЯ ПОЛИТИКА ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

УДК 02.001.76

Бачалдин Б.Н.

Субъективные суждения

Автор размышляет о состоянии отечественного библиотековедения и выделяет приоритеты в исследовательской, научно-методической и внедренческой деятельности.

Бурные социально-экономические и политические процессы, обновляющаяся общественная ситуация выдвигают на первый план множество неотложных дел, не оставляя как будто бы места для неспешных раздумий и субъективных суждений о судьбах библиотековедения. И все же именно практические дела предоставляют право автору на инакомыслие, личную позицию и выбор волнующей темы.

Критика нужна, но
.... конструктивная

Объективно отечественное библиотековедение сейчас характеризуется, прежде всего, повышенным интересом теоретиков к переосмыслению и переоценке прошлого и настоящего, а подчас и попытками предугадать будущее библиотек. В последнее пятилетие появилось немало интересных и серьезных выступлений, получивших широкий резонанс. И тем досаднее, что отдельные публикации формируют искаженное общественное мнение, бросают тень на фактически исполняемую работу органов управления, библиотечных научно-методических центров, библиотек, содержат неточности, ошибочные оценки. Некоторые теоретики вольно или невольно, как мне представляется, углубляют кризис современного библиотековедения. Профессиональную печать захлестнул дух самоуничужения, ниспровергательства, безудержного негативизма. Уважаемые теоретики, а вслед за ними и практики, словно соревнуясь друг с другом в покаяниях или из конъюнктурных побуждений, стремятся предать анафеме буквально всю отечественную библиотечную культуру, от-

казаться от своей истории, видят в ней одни только темные пятна, перечеркивают собственные теоретические положения и практический вклад.

Оказывается, страна не располагала действительно самой обширной и разветвленной библиотечной сетью, в том числе специализированными детскими библиотеками, высоко оцененными зарубежным библиотековедением.

Особенно импульсивные критики уверены, что в стране не было многомиллионной духовно-интеллектуальной читательской аудитории, и поныне нуждающейся в общедоступном информационно-библиотечном обслуживании. А как сильны конъюнктурные устремления, когда авторы отрицают очевидные достижения прошлого: гарантированное финансирование библиотек и планомерное открытие новых, отлаженное формирование фондов через единую систему книгоснабжения, государственную подготовку и распределение библиотечных кадров. Каким странным сознанием нужно обладать, чтобы отрицать необходимость научно-методической службы, сыгравшей и играющей исключительную роль в разработке концепций библиотечного дела, обосновании его принципов, форм и методов, внедрении научных результатов и технологического опыта, повышении квалификации тысяч библиотекарей, систематической помощи им.

Судя по многочисленным публикациям, оказывается, зря отечественные библиотеки на протяжении двух веков стремились к интеграции профессиональной деятельности, централизуя ее базовые процессы: комплектование, обработку, распределение, перераспределение, циркуляцию литературы и документов, информацию о них — тем самым интенсифицируя использование своего интеллектуального потенциала большим числом читателей.

Дань критике централизации отдают многие. Преуспел в этом Б.В. Дубин, уверяя, что централизация — детище командно-административной системы¹. Это тривиальное утверждение кочует из статьи в статью, но отвергается историей отечественного библиотековедения. Объясняется оно, видимо, заблуждением авторов или тем, что понятие централизации они связывают лишь с централизацией государственных и профсоюзных массовых библиотек, осуществленной с большим опозданием на рубеже 1970—1980 гг. Но ведь централизация в России как самая логичная, рациональная и выгодная форма организации

¹ Дубин Б.В. Флагиан идет ко дну // Сов. библиогр. — 1990. — № 3. — С. 8.

библиотечного дела корнями уходит в первую четверть XIX в. Именно тогда с началом дифференциации науки, отпочкованием филиалов от главной академической библиотеки (осн. в 1714 г.) возникает потребность централизовать основные процессы в сети библиотек Академии наук².

Подобный путь централизация прошла в университетах, в академиях наук бывших союзных республик, отраслевых академиях, больши́м числу наркоматов, министерств, ведомств, организаций. Например, главная библиотека промышленности — Государственная научная библиотека Наркомтяжпрома (осн. в 1918 г.), имея в наиболее развитых индустриальных районах 13 филиалов, централизовала все основные библиотечные функции и процессы³. Это было выгодно.

Библиотечной теории сейчас явно недостает самостоятельности в критическом осмыслении недавнего прошлого. В печать автоматически переносятся модные политические стереотипы, злые оценки, популистские замечания, хлесткие заголовки. Сказанное проиллюстрируем двумя наиболее яркими изречениями из редакционной статьи журнала "Библиотекарь": "Находясь долгие десятилетия в забвении и упадке, библиотеки во многом утратили в общественном сознании свою культурно-просветительную и информационную значимость"⁴.

Хлестко, но фраза была бы уместна в условиях, когда общество коренным образом улучшило ситуацию, покончило с забвением и упадком библиотек, стало внимательно относиться к их нуждам и запросам. Увы, никакого намека на улучшение дел журнал не приводит.

2

Подробнее см.: Бачалдин Б.Н. Вопросы организации библиотечной сети Академии наук СССР и ее фондов. (Структура. Проблема единого фонда) // Библиотеки СССР. — 1960. — Вып. 13. — С. 40—74; Библиотечная сеть Академии наук СССР // Там же. — 1967. — Вып. 36. — С. 103—128; Проблемы организации библиотечной сети Академии наук СССР и оптимального использования ее книжных фондов. Автореферат канд. дис. — М., 1969. — 31 с.; Централизация в сети библиотек Академии наук СССР // Науч. и техн. 6-ки СССР. — 1974. — Вып. 6 (128). — С. 8—15; Централизация — рациональная форма организации библиотечного дела в Академии наук СССР // Централизация — важнейшее направление совершенствования библиотечного дела в стране: Сб./ Гос. 6-ка им. В.И. Ленина. — М., 1974. — С. 15—21.

3

Государственная научная библиотека. К сорокалетию со дня основания (1918—1958) / Сб. ст. — М.: Машгиз. — 1959. — 236 с.

4

Состояние отрасли сегодня // Библиотекарь. — 1990. — № 5. — С. 39.

”Командно-административная система управления..., гигантомания, первоочередное внимание к идеологическим установкам аппарата привели к тому, что работа библиотек, библиотечное строительство в целом стали оцениваться по валовому показателю”⁵.

И эта цитата — свидетельство профессиональной нетребовательности и подражательства большой политике.

В самом деле. Обругали по касательной командно-административную систему, идеологические установки, гигантоманию, вал и на этом успокоились. А ведь практики ждут ответов, как работать по-новому. Как воспользоваться свободой и самостоятельностью? Какие методы годятся, когда меняется мировоззрение? Какие критерии пригодны для объективной оценки библиотечной деятельности, если ”вал” отслужил свою службу?

И, словно поняв беспочвенность безапелляционных суждений о ”вале”, журнал в последующем развернул дискуссию ”Нужна ли библиотечная статистика?”, напечатал ряд консультационных материалов по планированию, учету, отчетности⁶. А это значит, вопреки бурному кипению критических страстей вокруг ”вала”, жизнь доказывает, что статистику надо не уничтожать, а совершенствовать, выполнить требование Закона о культуре к статистике — быть ”достоверной, своевременной, открытой”⁷. Пора уяснить, что без четких научно обоснованных статистических критериев оценки результативности информационно-библиотечной деятельности невозможно гармонично вести библиотечное хозяйство в целом.

В переоценке наследия исключительное значение принадлежит ее тональности, стилю. И здесь далеко не благополучно. Как снисходительно-покровительственны, к примеру, авторы одного из вариантов концепции библиотечного дела в СССР к областным библиотекам, именуя их ”придатком” ведомственно-отраслевой библиотечной системы⁸, словно каждая из них не сыграла в прошлом и не играет ныне

⁵ Состояние отрасли сегодня // Библиотекарь. — 1990. — № 5. — С. 39.

⁶ См., например: Сергеева Р.В. Примерная структура годового плана работы школьной библиотеки // Библиотека. — 1993. — № 1. — С. 44.

⁷ Основы законодательства Российской Федерации о культуре. Закон. Утв. 9 окт. 1992. № 3212—1 // Рос. газета. — 1992. — 17 нояб. — С. 5.

⁸ Библиотекарь. — 1990. — № 5. — С. 9 (вкладыш).

самостоятельную прогрессивную роль регионального социокультурного центра. А каким барственным высокомерием в одной из публикаций наполнена характеристика читателей массовой библиотеки? Оказывается, "основные ее группы — культурные неофиты, находящиеся на первичных стадиях литературной социализации или задержавшиеся на них навсегда"⁹.

Захлестнувшая профессиональную печать в последнее пятилетие волна критических выступлений не так безобидна. Критические материалы некоторых авторов, не всегда компетентные, объективные и проникнутые заботой о судьбах отечественного библиотековедения, приводят к дестабилизации, вносят смутнение и путаницу в профессиональное сознание тысяч практиков, подтачивают их веру в добротность тех норм и стандартов, которыми они пользовались десятилетиями. Лишенные конструктивности, эти материалы усиливают неуверенность, апатию, разочарование рядовых библиотекарей. Случается и наоборот. Не успев освоить, проэкспериментировать какую-то новацию, заимствованную из критической публикации, библиотекари принимают скороспелые решения, начинают необдуманные преобразования. Одни спешат полностью "децентрализоваться", обрести суверенитет. Другие — отказать от статистики, планов, отчетов, учета и т. д., ошибочно полагая, что тем самым упрощают, а не усложняют и не удорожают механизм управления.

А сколько сейчас библиотек — научно-методических центров разных уровней, которые отказались от исследовательской и методической работы, систематической помощи местным библиотекам? Закрываются научно-методические отделы, секторы или переименовываются в подразделения маркетинга. Повсеместно сокращается штатная численность методистов. Началась самоизоляция библиотечных центров (Российская государственная библиотека, Российская национальная библиотека, ГПНТБ России, академические и университетские центры). Падает их научно-методический авторитет. Все это — в значительной мере следствие массивной критики научно-методической службы, неверной интерпретации ее роли и назначения.

Ясно, что острие сказанного направлено не против критики вообще, а против беспредметной. Сам по себе высокий взлет критической мысли в современном библиотековедении может только приветствоваться. Но критика нужна профессиональная,

⁹ Библиотекарь. — № 7. — С. 3.

компетентная, конструктивная, творческая. Она не может сводиться только к выискиванию ошибок и разрушению прошлого. Моральное право на критику в науке имеет тот, кто может неверному решению противопоставить свое собственное — правильное. "Ошибки замечать, — говаривал М.В. Ломоносов, — немногого стоит. Дать нечто лучшее — вот что приличествует достойному человеку"¹⁰

**Уважительно
осмысливать
наследие**

Особая тема — родное библиотековедческое наследие. Время от времени ему отдают дань все профессиональные издания. Можно назвать статьи, обобщающие исторические факты и события (например, Первый съезд российских библиотекарей), оценивающие вклад забытых специалистов прошлого (В.Э. Банѣ, П.М. Богданов), заслуги и заблуждения современников старшего поколения (В.В. Серов). Это добрые приметы времени. Но осмыслению библиотечного наследия недостает целенаправленности и планомерности. Из него извлекаются только те имена и события, которые выгодны в сей момент. Теоретики никак не освоят, что в развитии цивилизации есть своя логика. Мы же то развенчиваем одни события, факты, имена, то возносим другие. Профессор А.В. Соколов в статье "Нужны подвижники" в число "талантливых, самобытных и самоотверженных" представителей библиотечного дела включает Б.С. Боднарского, К.Н. Дерунова, А.И. Калишевского, Н.М. Лисовского, А.М. Ловягина, Н.А. Рубакина, Л.Б. Хавкину¹¹! К огорчению, у автора не нашлось добрых слов для преданных забвению многих других выдающихся библиотечных деятелей XX в. А ведь они развивали и пестовали отечественное библиотековедение после Л.Б. Хавкиной, причем в более сложные времена.

Кому, как не ведущим теоретикам последовательно, взвешенно, без эмоциональных и конъюнктурных пережестов исследовать библиотековедческое наследие, объективно, уважительно оценить фактический вклад своих предшественников. Их немало: З.Н. Амбарцумян, Д.А. Балака, В.В. Власов, Г.К. Дерман, Ю.В. Григорьев, Д.Д. Иванов, Н.Г. Кравченко, Н.В. Русинов, К.Р. Симон, Л.Н. Троповский, Л.В.

¹⁰

Цит. по: "Вест. АН СССР". — 1961. — № 12. — С. 64.

¹¹

Соколов А. Нужны подвижники. О модели библиотечного образования на пороге XXI века // Библиотекарь. — 1990. — № 5. — С. 14.

Трофимов, О.С. Чубарьян, Е.И. Шамурин, И.М. Фрумин, А.Д. Эйхенгольц, И.И. Яковкин и другие.

А есть ли моральное право обвинять тех мастеровито-талантливых библиотекарей-первопроходцев, кто вопреки тоталитаризму был юношески влюблен в дело и отдал ему многие годы? Кого-то из них признало мировое библиотековедение, переводя, реферируя, цитируя публикации, включая биобиблиографические данные в справочные и энциклопедические издания. А мы, наследники, не только не помним имен и дел, не интересуемся, кто и каким трудом создавал общую библиотечную систему, но и, не видя в ней ничего полезного, сообща ее разрушаем.

Сначала бы научиться видеть все доброе, что сработали жившие до нас. А уж потом — взыскивать за упущения, недоделки и ошибки, не забывая при этом, что и сами судимы будем.

Как в цивилизованных странах Отрицательно оценивая состояние библиотечного дела в России, его прошлое, некоторые авторы убеждены, что оно должно быть таким, как "во всех цивилизованных странах". Расхожим рефреном статей стало восклицание: "Давайте идти в ногу со всем цивилизованным миром"¹². В статье под весьма претенциозным названием "Библиотеки России: возвращение в Европу" Г.С. Галиуллина настаивает на необходимости эквивалентности отечественного библиотечного образования европейским стандартам и уверена, что "мы зачастую выглядим не очень привлекательно, не владем всей совокупностью новейших знаний...", что предостит "преодолеть комплекс неполноценности, присущий нашим студентам в сопоставлении с зарубежными..."¹³.

Внешне заманчиво, а главное в ногу со временем. Но глашатаи перехода в "цивилизированный мир", "возвращения в Европу" уходят от ответов на самые принципиальные вопросы: как не на словах, а на деле, не имея соответствующего финансового и материально-технического обеспечения, интегрироваться в мировое библиотечное пространство и как поступить с собственным опытом, духовным богатством, самобытностью, колоритом?

Изучение зарубежного опыта, заимствование лучших его образцов — неперемнное условие прогрессирующего движения мировой

¹² Библиотека. — 1992. — № 9—10. — С. 4.

¹³ Сов. библиотековедение. — 1992. — № 3—4. — С. 5.

библиотечной культуры. И Россия в этом духовном взаимообмене не является исключением. К сожалению, ее международные библиотечные связи редко развивались планомерно, далеко не всегда были хорошо организованы, результативны, обеспечены достойным финансированием. Пожалуй, наиболее последовательно зарубежный опыт осваивался нашими научными, специальными, техническими, академическими библиотеками в 1920—1930-е и в 1960-е гг. Именно на рубеже 1920—1930-х гг. многие научные библиотечные учреждения творчески воспользовались американскими классификационными схемами, принципами и техникой составления словарных и предметных каталогов, описанием произведений печати под коллективным автором, заимствовали некоторые образцы библиотечной техники и оборудования. 1960-е гг. ознаменовались переводом и широким внедрением в научных и специальных библиотеках УДК, работ по методике НТИ, обогащением информационного языка, масштабным расширением реферирования, распространением экспресс-информации, ИРИ, ДОР, началом внедрения компьютерной техники, ксерокопирования, автоматизации значительной части информационно-библиотечных процессов.

Но вот уже который год по разным причинам (отсутствие конвертируемой валюты, снижение масштабов непосредственных библиотечных контактов, командировок и т. д.) экстраполяция зарубежного опыта идет по затухающей линии. Несмотря на все трудности, его изучение и использование должны стать магистральным направлением развития отечественной библиотечной науки. Она многим обязана мировому библиотековедению, впрочем, как и оно — российскому.

Обогащать понятийный аппарат системно Уважительное отношение к зарубежному опыту — аксиома. Но одновременно нельзя самоуничижительно относиться к национальному библиотечному наследию, недооценивать российскую самобытность, утрачивать здравый смысл, унижать достоинство отечественных библиотекарей, популяризируя те или иные иностранные образцы, приемы, термины. Увы, в пропаганде зарубежного опыта появилось сейчас немало элементов эпигонства, нетворческого, механического следования иностранной теории и практике, заимствования кстаи и некстаи иностранной терминологии, отдельных слов и понятий.

И трудно оставаться сторонним наблюдателем, когда на твоих глазах произвольно перечеркивают традиционные библиотечные понятия на родном языке и в угоду моде буквально заваливают его иностранными словами, терминами, не известными широкому кругу практиков сокращениями, стихийно приобретающими характер едва ли не нормативности. Нигде не публикуется расшифровка новомодных слов и аббревиатур. Каждый толкует их по-своему. Страницы профессиональных изданий пестрят сейчас такими выражениями, как "аукцион", "бизнес-шоу", "брейн-ринг", "библиотечно-библиографическая коммуникация", "имидж", "менталитет", "библиотечный менталитет", "библиотечная паблисити", "библиомакет", "маркетолог", "маркетинг услуг", "информационно-мониторинговый маркетинг", "информина", "эксклюзивное интервью", "инновационная экспертиза", "менеджмент", "шопинг", "шоп" и "коммершл шоп", "мониторинг", "презентация", "пресс-релиз", "сертификация библиотечкарей", "информационный брокер", "информационные продукты", "логотип", "интернальность личности", "экстернал", "когнитологический подход к библиотечным ресурсам", "диаспора" (это о жителях города и села), "рейтинг библиотеки (библиотекаря)", "паблик рилейшнз", "ноу-хау" и т. п.

Почти у каждого из приведенных слов и словосочетаний есть добротный синоним в русском языке, но авторы почему-то упорно предпочитают иностранный вариант, словно он придает тексту особую значимость, прибавляет учености. Назрела необходимость сравнительного анализа русских и иностранных терминов, стихийно внедряемых в отечественный понятийный аппарат. И в первую голову это надо сделать на примере "общественных начал в библиотечном деле", так глубоко исследованных О.С. Чубарьяном, и английского понятия "паблик рилейшнз".

Я не призываю назад к мокроступам. Более того, сознаю, что без включения неизвестных ранее слов и терминов обойтись нельзя. Словарный запас любого профессионального языка непрерывно обновляется и пополняется. Речь идет, во-первых, о вкусе, здравом смысле, целесообразности, уважении к рядовому библиотекарю.

Во-вторых, и это главное, некоторые специалисты подчас заимствуют и распространяют не сам зарубежный опыт, а лишь терминологию, связанную с ним. Поэтому в практической деятельности российских библиотек мало что меняется, наши ученые и управленцы

вяло влияют на внедрение прогрессивных зарубежных образцов, в лучшем случае лишь информируют о них.

А чем, если не конъюнктурными соображениями, объяснить безудержную тягу части администраторов и ученых к замене простых, устоявшихся, привычных понятий, терминов и аббревиатур новыми, отнюдь не лучшими.

Наше время породило множество новых идей, оценок, пристрастий. Объясним поэтому отказ от былых названий библиотек, вузов культуры, носивших имена Ленина, Маркса, Крупской, комсомола и т. п. Но чем провинился М.Е. Салтыков-Щедрин? Чем хуже известная библиотекарям всего света аббревиатура ГПБ аббревиатуры РНБ (Российская национальная библиотека)? Хотелось бы получить ответ и на такой вопрос: "Что, став национальной, РНБ перестала быть государственной и публичной?".

А кто объяснит, чем лучше, точнее, ближе к принципам и направлениям библиотечной культуры новое название нашего главного печатного органа? Просуществовав более 80 лет под названием "Библиотекарь", удовлетворяя запросы нескольких поколений специалистов, он почему-то с 1992 г. именуется "Библиотека". Переименование было бы оправданным, измени журнал свою программу, стиль, облик. Но они прежние. Кстати, под названием "Библиотекарь" журналы издаются во многих странах (Болгария, Германия, Польша и др.).

Сейчас взамен термина "массовая библиотека" в печати, на лекциях, семинарах некоторые теоретики настойчиво употребляют термин "публичная". Может быть, и нужно отказаться от традиционного выражения "массовая". В нем есть обидная нарочитость. Но ведь есть и другие классификационные неточности. В частности, как быть с определениями "специальные", "академические", "школьные"? Например, в понятие "академическая библиотека" наше библиотековедение вкладывает иной смысл, чем зарубежное. Не безупречна, условна связка "детская" и "школьная" библиотека.

Смена вывесок стала сейчас эпидемией. Так, кого-то осенило заменить понятные, привычные, органически сливающиеся со всем строем современного русского языка благозвучные термины "читатель" и "абонент" на тяжелое казенное слово "пользователь". Делается попытка обосновать эту "реформу". Пришедший якобы в современную библиотеку не только читает, но и использует аудиовизуальные средства, технику, множество платных услуг. Но ведь схожие

процессы характерны и для других сфер культуры и информатики. Здесь ассортимент услуг, видеотехники, голографии и т. д. значительно богаче и разнообразнее, чем в библиотеках, но ни одному музыковеду, искусствоведу, музейному работнику не придет в голову окрестить словом "пользователь" зрителя или посетителя картинной галереи, музея, консерватории. А согласно новой терминологии пользователь использует сведения, документы; пользователь пользуется услугами библиотек. Сплошная тавтология.

Чем объяснить подобную словесную неуклюжесть? Может быть, нашим ученым оказало плохую услугу слепое копирование зарубежных профессиональных терминов, кому-то понравилось английское слово "user" (потребитель), которое прежними поколениями библиотекарей переводилось как "читатель", "абонент"¹⁴

Как бы там ни было, устоявшийся профессиональный язык заслуживает самого уважительного отношения. Новые выражения, термины, понятия, в том числе относящиеся к классификации библиотек, имеют право на внедрение. Но надо, чтобы это делалось не стихийно, не по наитию и озарению отдельных специалистов, а планомерно, в контексте всей терминологической системы, после соответствующей экспериментальной обкатки, дискуссий в профессиональной среде. Смена вывесок без теоретического обоснования недальновидна.

И, наконец, главное — внедрять полагается не только новые слова, но и выражаемую ими суть.

Три приоритета Критическое половодье, разлившееся по страницам печати, закономерно. Можно понять авторов критических материалов. Им долгое время приходилось скрывать свои убеждения, быть проводниками единой точки зрения, конформистами. Ныне в условиях демократизации и гласности критическое осмысление прошлого постепенно становится нормой. А главное, прошлое действительно оставило большой груз проблем, в которых необходимо разобраться, "отделить зерна от плевел". И в этом критические материалы играют положительную роль, необходимы. Они содействуют освобождению библиотекарей от идеологической зашоренности, позволяют избавиться от былых иллюзий относительно своей исключительности в коммунистическом воспитании трудящихся

¹⁴ Англо-русский библиотечно-библиографический словарь / Сост. Сарингулян М.Х. — М.: Всесоюз. кн. палата, 1958. — С. 195.

и научно-техническом прогрессе, помогают стать свободной, инициативной, раскованной личностью, осознать и реализовать самостоятельность.

К сожалению, немало критических выступлений, ограниченных констатацией того или иного негативного явления современности или прошлого да беглыми пожеланиями, абстрагированными от конкретного адресата. Вот типичная иллюстрация: "...библиотекари-библиографы... должны... обладать инновационным аналитическим мышлением, владеть социально-психологическими основами работы с людьми и уметь реализовать в повседневной деятельности библиотек культурологический подход"¹⁵. В нескольких словах автор намечает целую концепцию, но лишает ее главного — организационно-методического обеспечения, не учит библиотекаря работать в обновленном мире по-новому, опираясь на принципы, провозглашенные автором. А без этого авторская концепция не может быть воплощена в жизнь. Поэтому сейчас, как никогда прежде, необходимы не только теоретические статьи и авторские концепции. Завершаться они непременно должны рабочими научно-методическими материалами, раскрывающими процесс внедрения того или иного новшества, например, маркетинга, паблик рилейшнз. И здесь, очевидно, не обойтись без системы практических пособий, учебников, справочников, статей о конкретном опыте внедрения нового, положений, правил, нормативов. Крайне желательно, чтобы идеологами указанных материалов, а также учебных мероприятий (семинаров, лекций, курсов повышения квалификации, "круглых столов") были авторы теоретических выступлений. Крайне нужны словари¹⁶, хотя бы уже потому, что не устоялось написание: одни пишут паблик рилейшенз, другие — рилейшнз, третьи — рэлейшнз, четвертые — релейшнз.

Круг проблем в современном библиотечном деле необычайно широк, можно сказать, безбрежен. Вот почему так важно попытаться выделить приоритеты в исследовательской, научно-методической и внедренческой деятельности библиотечных центров и институтов культуры. Сейчас, на мой взгляд, есть три приоритета.

¹⁵ Библиотека. — 1993. — № 1. — С. 55.

¹⁶ Обнадеживающая в этом смысле примета — выход в свет издания: Современная каталогизационная терминология: Толковый словарь с метод. рекомендациями / Рос. гос. б-ка; Сост. Т.А. Бахтурина, Э.Р. Сукнасян. — М., 1992. — 197 с. Словарь, рассчитанный на широкий круг библиотечных специалистов, включает 559 терминов с определениями и эквивалентами на англ., нем. и франц. языках.

На первое место среди них правомерно поставить выработку принципов обновления библиотечной сети в условиях рынка и механизма взаимоотношений ее федеральных, республиканских, региональных и муниципальных звеньев.

Острота этой проблемы обусловлена тем, что библиотечное дело, единое по самой сути своей, базирующееся на унифицированной технологии, проходит в России путь от централизации к региональному суверенитету. Он — условие возрождения национальной самобытности, культуры, языка, духовных, в том числе собственно библиотечных традиций. Суверенитет коренным образом меняет характер взаимоотношений библиотечных центров всех уровней и местных библиотек. Канули в Лету "руководящие функции" бывших союзных и республиканских библиотечных центров — Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина, Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, ГПНТБ СССР и др. А ведь при их активном участии десятилетиями в центре решались судьбы местных библиотек. Планировалось открытие новых, регулировалось их размещение на территории всех, в том числе и самых отдаленных, районов, распределялись ассигнования и штатная численность, рассылались обязательные инструкции и рекомендации, осуществлялись контроль, сбор информации и статистических данных.

Ныне такой диктат уступает место отношениям, предполагающим запрос снизу вверх, а не приказ сверху вниз: в конечном счете договорной системе.

Коренное изменение природы взаимосвязи федеральных центров с местными библиотеками не должно нас пугать. К этому надо привыкать, осваивать новые организационные принципы построения российской библиотечной системы, характер взаимоотношений ее отдельных звеньев. Время диктата из центра ушло, но местные библиотеки еще не скоро в полной мере освоят природу суверенитета и самостоятельности. Помочь им в этом — профессиональная обязанность библиотек — научно-методических центров, каждого исследователя, методиста, организатора библиотечного дела. В свою очередь библиотеки любого региона вправе подпитываться достижениями теоретической мысли как общенациональным достоянием. Дело местной библиотеки воспользоваться или не воспользоваться рекомендациями центра, но отказать ей в них никто не имеет права.

Новый характер взаимоотношений и взаимосвязей застал врасплох не только местные библиотеки, но и центральные. Отряхнув с

себя прах "руководящих", последние склонны отказаться и от самого понятия "центр", хотя никакая система, никакая федерация без него немыслимы. Центральные библиотеки автоматически освобождают себя от научно-методических функций, сочли за благо отказаться от подготовки новых профессиональных норм и стандартов, опоздали с разработкой, да и сейчас слабо анализируют проблемы перестройки библиотечного дела, адаптации его к условиям многопартийности, плюрализма, рыночной экономики, национального и регионального суверенитета, обслуживания современной многоукладной деревни, коммерческих структур и делового человека. Правы сотрудники ЦНСХБ Россельхозакадемии, говоря, что "... сильно отстает от потребностей практики научное и методическое обеспечение деятельности библиотек в новых условиях хозяйствования. Необходимы исследования специфики ценообразования и конъюнктуры рынка библиотечно-библиографических услуг, требуют проработки вопросы нормативного финансирования, новые формы кооперации и координации работы в условиях рыночной экономики. Маркетинг позволяет в значительной степени понять многие из этих вопросов, компетентно разобраться в них"¹⁷.

Таким образом, библиотековедению противопоказаны размежевание пограничными столбами, обособленность, сепаратизм тех, кто создает теорию и научно-методическую службу, и тех, кто пользуется плодами этой службы. Иначе говоря, и в наши дни между периферийными библиотеками и научно-методическими центрами хотелось бы видеть взаимопритяжение. Только при этом условии центры сохранят авторитет и влияние на процессы, происходящие в библиотечном деле, укрепят взаимовыгодное сотрудничество с местными библиотеками, будут чутко реагировать на их нужды. Словом, при самой глубокой суверенизации библиотечные проблемы выгоднее решать сообща, опираясь на научно-методический потенциал соответствующего центра.

Примечательно, что не только библиотекари России, но и других стран СНГ и поныне связывают с центром гарантированное получение профессиональной информации, всесторонней помощи, оперативных рекомендаций. Библиотеки и институты культуры ближнего зарубежья, в том числе размещенные за пределами рублевой зоны, несмотря на трудности финансовых взаиморасчетов стремятся пол-

¹⁷

Аббакумова Н., Герасимова В. Маркетинг в библиотеке // Библиотека — 1992. — № 3—4. — С. 14.

учить печатные материалы российских центров, подписаться на продолжающиеся издания, воспользоваться командировкой в Москву, С.-Петербург, Новосибирск, другие города для обмена опытом, принять участие в совещаниях, семинарах, курсах, международных встречах.

Но так будет не всегда. Дезинтеграция бывшего советского библиотекостроения, единого теоретического пространства неизбежна. Это печально, но такова реальность и не считаться с ней нельзя. И дело здесь не в желании или нежелании библиотечников сохранять профессиональные контакты. По мере перехода на официальные языки коренных национальностей и отказа в странах СНГ от русского как языка межнационального общения будет затухать взаимообмен идеями, научными результатами, прогрессивным опытом, обобщаемыми и пропагандируемыми на языках соответствующих республик. Урон здесь общий. Чтобы хоть частично смягчить его последствия, уже сейчас стоило бы подумать о реальных шагах. Может быть, целесообразно в федеральных, республиканских, краевых, областных, крупнейших центральных городских библиотеках создать специализированные подразделения по работе с литературой ближнего зарубежья, в том числе библиотечной. Не исключено, что придется преобразовать нынешние отделы иностранной литературы в структурные единицы по работе с изданиями ближнего и дальнего зарубежья. И хочется верить, что библиотечное дело исследует эти новые проблемы и подготавливает адекватные решения.

Второе приоритетное направление. Наше библиотечное дело, его ведущие представители дружно и скоро выполнили хотя и важную, но только первую часть обновления мировоззренческой базы отечественного библиотечного дела. Они поколебали его бывшие теоретические нормы: идейно-воспитательную работу, рекомендательную библиографию, руководство чтением, пропаганду литературы, доминирующее положение в ней марксистско-ленинской общественно-политической литературы, партийность фондов и каталогов, словом, весь мировоззренческий арсенал.

При этом в столь тонком деле, как пересмотр политических позиций в библиотечном деле, не обошлось без кампанейщины. Поначалу без разбора ниспровергалось подряд все, что было наработано в прошлом. Так, в веками существующем руководстве чтением кое-кто увидел только принуждение, только "партийный, административно-нажимный метод" воздействия на чтение. У понятия "руководство

чтением” нашлись и защитники, доказывающие, что его суть в информации о духовных богатствах и помощь читателю ”на основе принципов добровольности и самостоятельности читательского выбора”¹⁸.

Последнее, очевидно, справедливо, ибо есть немало читателей (учащихся, студентов, пенсионеров и т. д.), нуждающихся в добром участии библиотекаря, в помощи при подборе необходимых изданий и информации.

А кто выиграет от гонений на рекомендательную библиографию — ”служанку административной системы”? Что хорошего в том, что дети, родители, воспитатели, педагоги лишатся многих рекомендательных указателей?

На отмену былых мировоззренческих стандартов библиотечное сообщество отреагировало спокойно. Но лишившись их, почувствовало себя теоретически безоружным, не ведает, на что, на какие принципиальные основы опираться в своей повседневной деятельности, общаясь с читателем. Образовался своеобразный теоретический вакуум, поглотивший старое, но не породивший новое. И огорчительно, что современное библиотековедение, кажется, вовсе не берет во внимание ожидания практики, уходит от исследования новой роли библиотеки в обществе, от подготовки рекомендаций по новым принципам и методам ее работы.

Библиотекари тщетно ждут от теоретиков советов, как им общаться с новым читателем в условиях многопартийности и плюрализма, как полноценно обслуживать по таким насущным проблемам, как демократия и личность, движение к правовому государству и природа правонарушений, рыночная экономика и предпринимательство, личная инициатива деловых людей и спекулятивно-мафиозные проявления, национальный суверенитет и интересы федерации, общечеловеческие ценности и духовный мир современника, милосердие, нравственно-политическая культура. Множество острых проблем сейчас возникло в сфере удовлетворения информационных запросов науки, в первую очередь общественной, гуманитарной, а также культуры, искусства, экологии, агропрома.

¹⁸

Ванеев А. Н. Проблемы руководства чтением в отечественном библиотековедении // Сов. библиотековедение. — 1991. — № 3. — С. 21. Отсылаем также к материалам дискуссии о руководстве чтением, развернутой на страницах сборника ”Научные и технические библиотеки” (1990, № 2, 10; 1991, № 3, 10; 1992, № 6, 7; 1993, № 7, 8).

Говоря проще, на наших глазах рождается новый читатель с другой психологией, иными характером и содержанием запросов, а методы обслуживания остаются прежними.

Вот и приходится рядовому библиотекарю, независимо от того, в какую сторону сместились политические ориентиры нынешних библиотекovedов, уповать на старые принципы и методы изучения читателя и общения с ним, расстановки фондов, популяризации и пропаганды литературы, руководства чтением, рекомендательной библиографии и т. д. И не случайно "до сих пор на абонеентах многих массовых библиотек читателей чуть ли не у порога "встречают" стеллажи с произведениями Маркса, Энгельса, Ленина. Причины сохранения такого приоритета разные... Где же сегодня в библиотеке место стеллажам с произведениями классиков марксизма-ленинизма? Отнюдь не праздный и не частный вопрос", — замечает старший преподаватель Челябинского государственного института искусства и культуры им. Л. Солоненко¹⁹. Автор делает и второй абсолютно верный вывод: месторасположение стеллажей с произведениями классиков марксизма-ленинизма — вопрос принципиальный, и отдельный библиотекарь не может его решать, "исходя только из своих личных политических взглядов"²⁰.

Иначе говоря, ответ на этот и подобные ему содержательные вопросы не должен искать каждый библиотекарь в отдельности, абстрагируясь от единых теоретических решений. В вышеупомянутом случае дать ответ обязаны составители таблиц ББК для массовых библиотек, помня, что их затянувшееся молчание усугубляет хаос и неразбериху в технологии и технике библиотечного дела на современном этапе, обрекает его на отставание.

Третье приоритетное направление — исследование и научно-методическое обеспечение внедрения зарубежного информационно-библиотечного опыта. Его пропаганда и распространение всегда осуществлялись слабо, спонтанно. Для прошлых лет это оправдано, поскольку исследователи не ссылались так часто на него, не повторяли как заклинание сакраментальную фразу — "как в цивилизованных странах", не оснащали свои труды столь обильно иностранными источниками, не вводили в научный оборот

¹⁹ Солоненко Л. К политическому плюрализму // Библиотека. — 1993. — № 1. — С. 6.

²⁰ Там же.

Это хорошо. Но плохо, что читающие иногда не дают себе труда скрупулезно разобраться в сути публикаций. А в них подчас небрежение отечественным опытом и своей историей, попытки переписать ее, подделяваясь под текущие политические клише, и подстричь под единую цивилизаторскую гребенку.